

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ИГРА

После института я поступила сразу в аспирантуру, и заниматься стала стилем модерн. Ах, какую чудную Москву я тогда узнала. Я ее всю помню. Каждую башенку, пропорции окна, поворот стены... Ту, которая есть, и видеть не хочу. Все равно того города, что в памяти моей, больше нет, а нового мне не надо.

Почти все время я лазила по архивам и читала интересные книги, а попутно то и дело выходила замуж – это дурная привычка, которую нужно истреблять у юношества наравне с наркотиками. Первый мой муж просто никуда не годился: это выяснилось немедленно после знакомства, но все-таки я два года с ним пожила, помучилась. Потом уже, с чувством исполненного долга, развелась и вышла тут же замуж за очень симпатичного гражданина и артиста многих театров, находившегося в розыске. Ах, какой же он был большой артист. Как он умел полоскать мозги... Теперь так не полощут.

Потом его посадили, а я начала его спасать. Фамилия адвоката была Хавкин, председателя суда звали Зуболомов, а следователь у нас оказался Федькин – и ничего этого я не выдумала. Суд был в Челябинске, а моя защита в Москве. Ну, хоть не в один день, слава богу, а то плакала б научная карьера. А после того, как в институт истории и теории меня не взяли из-за мужа-заключенного, я отправилась читать стихи несчастного узника на Арбате.

Стихи были кошмарные. Я рассказывала душераздирающую историю гонений на диссидента (он третий раз сидел за хулиганство). Публика слезливо сочувствовала. Коллеги по институту тайно приходили меня слушать. Я чувствовала себя как самый громкий петух на лучшей мусорной куче в округе.

Вот в это время я ездила в республику Коми и навсегда запомнила русский север. Какая щедрая эта земля, как много в ней жизни, и как ужасно там живут. В поезде я зашивала двадцатипятирублевки в краешек ватника, прятала какие-то записочки в ботинках – я ведь была образованная девушка и читала Солженицына еще в школе.

Зона была окружена дырявым забором. В некоторых местах забор совсем уж повалился, от старости. Все привезенное прохожий солдатик перебрисил мужу прямо в руки – за пятерку.

Муж стал какой-то скучный. Он ничего не читал, жаловался, что давно нет шоколадки, просил привозить побольше чаю и какой-то краситель. А цвет какой? Говорит, неважно.

Потом я узнала, что из красителя варят торч, а из чая чифирь. По приговору ему дали пять лет, и мне объясняли, что это большой успех: светила десятка. Не знаю, успех там или не успех, но просидел он почему-то всего три, а потом как-то ловко выпустился, и скромно поселился на даче у моих родителей.

К тому моменту я уже опять развелась и продолжала спасать человечество поштучно. Некоторое время я была архитектурным чиновником, преподавала исто-

рию искусств и таможенное дело, учила английскому, проектировала какую-то фигну для горных козлов в зоопарке – и наконец пристроилась читать программу по турбизнесу в коммерческом институте.

Люди платили большие бабки за этот курс. Никто не знал, что свои лекции я выдумывала, в туризме ни дня не работала, а в путешествия ездила только в детстве. Арбатская выучка пригодилась – я знала, как пасти толпу и держать на себе внимание. Не так уж важно, чего ты там гонишь, главное, чтоб людям не было скучно. Студенты были убеждены, что я объездила весь мир. А у меня и загранпаспорта-то не было никогда.

Потом однажды я пришла к Мишке Черепанову. Я считала его своим другом и в переломные моменты биографии всегда заходила посплетничать: а тут моя личная жизнь в очередной раз распалась в куски, и я из-под них выбиралась.

Кайзер стал очень важным, лоснистым и респектабельным. Он объявил, что работает главным художником в одном издательском доме. У него есть личный шофер и личный компьютерный батрак, который реализует все кайзеровы графические замыслы. И Черепанов там делает журнал. И издает книжки. Кайзер сроду не умел рисовать!!!

Я тут же потребовала меня с батраком свести, чтоб мне тоже ко всему компьютерному приобщиться. Потому что я хотела хотя бы компьютер купить, вот что. Но тот притворился, что не слышит. Они как-то странно дружат, эти сокурсники.

На дворе меж тем заводился май. И несколько дней спустя ко мне на улице подклеился некий весенний гражданин. В мелькании светской болтовни выяснилось, что это тот самый компьютерный крестьянин – привет одноногую! Еще через неделю в издательстве состоялся грандиозный скандал и Кайзера уволили. А может и сам дверью хлопнул.

Компьютерный батрак, шофер и место главного художника осиротели. На все это имущество стали зариться различные претенденты. Но каждый раз при рассмотрении очередного соискателя с компьютером случалось что-то совсем нехорошее. Так что эскизы у испытуемых получались очень дурацкие.

Тем временем компьютерный колхозник протирал хозяйке заведения, что он знает целую стаю крутейших график-дизайнеров современности. И даже самостоятельно проводит среди них конкурс на главного художника, чтоб помочь родному издательству. Причем он наметил уже пару кандидатур. Хотя эти дизайнеры настолько круты, что не имеют времени заглянуть лично, они все-таки могут послать свои гениальные наброски.

Эскизы мы состряпали на чужом компе за одну ночь. К тому моменту журнал надо было срочно сдавать в типографию, потому что за просрочки выкатывали чудовищные штрафы.

Чудесным образом мой эскиз оказался самым безупречным. И меня взяли главным художником с умопомрачительным окладом. А я тогда даже мышь держать не умела! Зато теперь – вот, научилась. Мышь держать совсем нетрудно!

А потом журнал накрылся, потом случился дефолт... А мой ребенок все подрастал и подрастал, а воинскую обязанность все не отменяли и не отменяли.... К тому

Анна Хоси

же благодаря моей малой высокооплачиваемости мне совершенно нечего было терять, когда я надумала сваливать.

Очереди тогда в посольства стояли огромные. Поначалу-то я к Новой Зеландии примеривалась. Возле улицы Воровского особняк, в переулках.

Пристраиваюсь в хвост. Жарко. Откуда-то пахнет шоколадом. В Зеландии никто не был. Но где-то в начале очереди, говорят, есть одна опытная женщина, у которой дети там живут, второй год.

Подбегает тетка с баулами. Запыхалась.

– Куда стоим, граждане?

– Зеландия!

– Вон чего. Кто крайний?

Ну невозможно же дожидаться!

Так что я в Австралию в итоге подалась, там очереди были покороче.

Вот и поехала, да еще целый инвалидный обоз за собой потащила. Посваталась к тому компьютерному пинфлойду и вывезла эту прелесть на свою голову. Слава богу, природа потом его сама рассортировала.

А потом я приехала в гости в Россию. Я числилась уже иностранкой, ничего для себя не хотела, и собиралась доживать свои дни в бесцветном стерильном раю. Ну разве что в Аргентину напоследок смотаться, да в Японию зарулить на пару деньков. И вот, в поезде на Соловки, случайная попутчица мне вдруг сказала: у тебя начинается возраст, в котором ты будешь делать очень неожиданные вещи. Сама потом удивишься.

Ну что я могла сделать неожиданного? Я четыре раза была замужем, защитила кандидатскую, читала стихи на улице, торговала книжками, писала статьи, давала лекции, жила с уголовником, потом с сумасшедшим, торчала на героине и спала на вокзале. Уехала на другой край земли, где с перепугу сделалась посудомойкой. И что еще со мной могло случиться?

Очень недалёковидное рассуждение. Через две недели после Соловков я случайно познакомилась с одним интересным гражданином, а через полгода переехала в Америку. Насовсем? Никогда не знаешь, что ждет тебя за поворотом.